

Григорий Богослов

**Творения иже во святых отца нашего
Григория Богослова**

Том 3

УДК 291
ББК 86.3
Г83

Г83 **Григорий Богослов**
Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова: Том 3 / Григорий Богослов – М.: Книга по Требованию, 2024. – 324 с.

ISBN 978-5-458-23183-1

Творения святых отцов в русском переводе, издаваемые при Московской Духовной Академии. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, Архиепископа Константинопольского. Том 3

ISBN 978-5-458-23183-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

С Л О В О 27,

**ПРОТИВЪ ЕВНОМІАНЪ (а) И О ВОГОСЛОВІИ ПЕРВОЕ
ИЛИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ.**

Слово къ хитрымъ въ словѣ, и начну отъ Писанія: *се азъ на тя, горде* (Іер. 50, 31.), то-есть на ученость, и слухъ, и мысль! Ибо есть, дѣйстви-тельно есть люди, у которыхъ при нашихъ рѣчахъ чешутся и слухъ, и языкъ, а даже, какъ вижу, и руки, которымъ пріятны *скверныя суесловія и прекословія лжеименнаго разума*, и ни къ чему полезному не ведущія *словопренія* (1 Тим. 6, 4. 20.). Ибо Павелъ, проповѣдникъ и вводитель слова *со-кращенна* (Рим. 9, 28.), учитель и ученикъ рыба-рей, называетъ такъ все излишнее и изысканное въ словѣ. Хорошо, если бы тѣ, о комъ у насъ рѣчь, такъ же были нѣсколько искусны въ дѣятельномъ лю-бомудріи, какъ оборотливъ у нихъ языкъ и спосо-

(а) Евноміане отрицали не только единосущіе, но и подобо-сущіе Бога Отца и Бога Сына. Сверхъ сего они учили, что можно совершенно постигнуть Бога умомъ человѣческимъ. Про-тивъ сего послѣдняго лжеученія Евноміанъ направлено настоя-щее слово.

бенъ пріискивать благородныя и отборныя слова. Тогда мало, и вѣроятно меньше, чѣмъ нынѣ, стали бы они вдаваться въ нелѣпыя и странныя мудрованія и словами (о смѣшномъ дѣлѣ и выражусь смѣшно) играть, какъ шашками. Но, оставивъ всѣ пути благочестія, они имѣютъ въ виду одно—задать или рѣшить какой-нибудь вопросъ, и походятъ на зрѣлищныхъ борцевъ, представляющихъ не тѣ борьбы, которыя ведутъ къ побѣдѣ по законамъ ратоборства, но тѣ, которыя привлекаютъ взоры не знающихъ дѣла и похищаютъ у нихъ одобреніе. И надобно же, чтобъ всякая площадь оглашалась ихъ рѣчами, чтобъ на всякомъ пиршествѣ наводили скуку пустословіе и безвкусіе, чтобъ всякой праздникъ дѣлался непраздничнымъ и полнымъ унынія, а при всякомъ сѣтованіи искали утѣшенія въ бѣльшемъ злѣ—въ предложеніи вопросовъ, чтобъ во всякомъ женскомъ теремѣ—этомъ убѣжищѣ простодушія—нарушалось спокойствіе и поспѣшностію въ словѣ похищаемъ былъ цвѣтъ стыдливости! А если дошло уже до этого, если зло стало неудержимо и невыносимо, даже есть опасность, что и великое наше таинство (б) обратятъ въ низкое ремесло: то пусть сіи соглядатаи окажутъ столько терпѣнія, чтобъ, когда отеческое сердце наше приходитъ въ волненіе, и чувства наши *терзаются*, какъ говоритъ божественный Іеремія (4, 19.), имъ безъ ожесточенія принять сіе о нихъ слово, и хотя нѣсколько, если только могутъ, удержавъ языкъ, преклонить

(б) Христіанскую Религію.

къ намъ слухъ. И безъ сомнѣнія, вы не потерпите ущерба. Или буду говорить въ уши слышащихъ, и тогда слово принесетъ нѣкоторый плодъ, именно тотъ, что вы воспользуетесь словомъ, потому что, хотя сѣющій слово сѣетъ въ сердцахъ каждого, однакоже плодотворитъ одно доброе и плодотворное сердце. Или пойдете отъ меня, смѣясь и надъ симъ словомъ, находя въ немъ новый предметъ къ возраженіямъ и злословію на меня, что доставитъ вамъ еще большее удовольствіе. Не подивитесь же, если скажу слово, и оно будетъ не по вашему закону и странно для васъ, которые слишкомъ отважно и мужественно (боюсь оскорбить, сказавъ: невѣжественно и дерзко) утверждаете о себѣ, что знаете все и всему въ-состояніи научить.

Любомудрствовать о Богѣ можно не всякому, — да! не всякому. — Это пріобрѣтается не дешево и не пресмыкающимися по землѣ! Присовокуплю еще: можно любомудрствовать не всегда, не передъ всякимъ и не всего касаясь, но должно знать: когда, передъ кѣмъ, и сколько. Любомудрствовать о Богѣ можно не всѣмъ; потому что способны къ сему люди испытавшіе себя, которые провели жизнь въ созерцаніи, а прежде всего очистили, по крайней мѣрѣ очищаютъ, и душу и тѣло. Для нечистаго же, можетъ-быть, небезопасно и прикоснуться къ чистому, какъ для слабаго зрѣнія къ солнечному лучу. Когда же можно? — Когда бываемъ свободны отъ внѣшней тины (в) и мятежа, когда владычествен-

(в) Не порабощаемся плоти.

ное въ насъ (г) не сливается съ негодными и блуждающими образами, какъ красота ^х племенъ ^х перемѣшанныхъ съ племенами худыми, или какъ благоволеніе мѣра смѣшаннаго съ грязью. Ибо дѣйствительно нужно *упраздниться*, чтобъ *разумѣть* Бога (Пс. 45, 11.), и егда *примемъ* время, *судить* о *правотѣ* Богословія (Пс. 74, 3).—Предъ кѣмъ же можно?—Предъ тѣми, которые занимаются симъ тщательно, а не наряду съ прочимъ толкуютъ съ удовольствіемъ и объ этомъ послѣ конскихъ ристаній, зрѣлищъ и пѣсней, по удовлетвореніи чреву и тому, что хуже чрева; ибо для послѣднихъ составляетъ часть забавы и то, чтобъ поспорить о такихъ предметахъ и отличиться тонкостію возраженій. О чемъ же должно любомудрствовать, и въ какой мѣрѣ?—О томъ, что доступно для насъ, и въ такой мѣрѣ, до какой простираются состояніе и способность разумѣнія въ слушатель. Иначе, какъ превышающіе мѣру звуки или яства вредятъ, одни слуху, другія тѣлу, или, если угодно, какъ тяжести не по силамъ вредны поднимающимъ, и сильные дожди—землѣ; такъ и слушатели утратятъ прежнія силы, если ихъ, скажу такъ, обременить и подавить грузомъ трудныхъ ученій.

И я не то говорю, будто бы не всегда должно памятовать о Богѣ (да не нападаютъ на насъ за это люди на все готовые и скорые!). Памятовать о Богѣ необходимо, нежели дышать; и, если можно такъ выразиться, кромѣ сего не должно и дѣлать ничего

инаго. И я одинъ изъ одобряющихъ слово, которое повелѣваетъ *поучаться день и ночь* (Псал. 1, 2.), *вечеръ и завтра и полудне повѣдать* (Псал. 54, 18.), *и благословлять Господа на всякое время* (Псал. 33, 2.). А если нужно присовокупить и сказанное Моисеемъ; то *лежа, и востая, и идый путемъ* (Второз. 6, 7.), и исправляющій другія дѣла долженъ памятовать о Богѣ, и симъ памятованіемъ возводить себя къ чистотѣ. Такимъ образомъ запрещаю не памятовать о Богѣ, но богословствовать непрестанно; даже запрещаю не богословствованіе, какъ-бы оно было дѣломъ не благочестивымъ, но безвременность, и не преподаваніе ученія, но не соблюденіе мѣры. Медъ, не смотря на то, что онъ медъ, если принять въ излишествѣ и до пресыщенія, производитъ рвоту. И *время всякой вещи*, какъ разсуждаю съ Соломономъ (Екклез. 3, 1.). Даже прекрасное не прекрасно, если произведено внѣ порядка; какъ, напримѣръ, совершенно неприличны цвѣты зимою, мужскій нарядъ на женщинѣ и женскій—на мужчинѣ, геометрія во время плача, и слезы на пиру. Ужели же ни во что будемъ ставить время единственно тамъ, гдѣ всего болѣе надобно уважать благовременность? — Нѣтъ, друзья и братія (все еще называю васъ братіями, хотя ведете себя и не побратски)! Не такъ будемъ разсуждать, не побѣжимъ далѣе цѣли, какъ горячіе и неудержимые кони, сбросивъ съ себя всадника—разумъ, и отринувъ добрую узду—благоговѣніе, но станемъ *любомудрствовать, не выступая изъ назначенныхъ Христіанину предѣловъ, не будемъ переселяться въ Египетъ, не дадимъ увлекать себя къ Ассиріи—*

намъ, не воспоемъ *пѣснь Господню на земли чуждей* (Пс. 136, 4), то-есть въ слухъ всякому, и стороннему и нашему, и врагу и другу, и благонамѣренному и злонамѣренному, который чрезъ мѣру тщательно наблюдаетъ за нами, и желалъ бы, чтобы въ насъ каждая искра худаго обратилась въ пламя, самъ тайно ее возжигаетъ, раздуваетъ, воздымаетъ своимъ дыханіемъ къ небу, выше попадающаго все окрестъ себя Вавилонскаго пламени. Поелику въ собственныхъ своихъ ученіяхъ не находятъ они для себя подкрѣпленія; то ищутъ его въ томъ, что слабо у насъ. А потому, какъ мухи на раны, нападаютъ на наши (какъ назвать это?) неудачи, или погрѣшности.

Но не будемъ долѣе оставаться въ невѣдѣніи о себѣ самихъ и не уважать приличія въ такихъ предметахъ. Напротивъ того, если невозможно истребить вражды, по крайней мѣрѣ согласимся въ томъ, чтобы о таинственномъ говорить таинственно, и о святомъ—свято. Предъ имѣющими оскверненный слухъ не станемъ повергать того, о чемъ не должно всѣмъ разглашать. Не попустимъ, чтобы въ сравненіи съ нами оказались достойными большаго почтенія поклоняющіеся бѣсамъ, служители срамныхъ басенъ и вещей; потому что и они скорѣе прольютъ кровь свою, нежели откроютъ ученіе свое непосвященнымъ. Будемъ знать, что есть нѣкоторое благоприличіе, какъ въ одеждѣ, пищѣ, смѣхѣ и походкѣ, такъ и въ словѣ и молчаніи; тѣмъ паче, что мы, кромѣ другихъ наименованій и силъ, чтимъ въ Богѣ и Слово.

Самыя состязанія да будутъ у насъ подчинены

законамъ. О рожденіи Бога, о сотвореніи, о Богѣ изъ не-сущихъ (д), о сѣченіи, дѣленіи и разрѣшеніи для чего слушать тому, кто слушаетъ сіе непріязненно? для чего обвинителей дѣлаемъ судіями? даемъ мечъ въ руки врагамъ? Какъ и съ какими, думаешь ты, понятіями приметъ слово о семъ тотъ, кто одобряетъ прелюбодѣянiя и дѣторастлѣнiя, кто покланяется страстямъ и не можетъ ничего представить выше тѣлеснаго, кто вчера и за-день творилъ себѣ боговъ, боговъ отличающихся дѣлами самыми постыдными? Не съ понятіями ли (къ какимъ онъ привыкъ) грубыми, срамными, невѣжественными? И богословія твоего не сдѣлаетъ ли онъ поборникомъ собственныхъ своихъ боговъ и страстей? Если мы сами употребляемъ такіа реченія во зло; то еще труднѣе убѣдитъ противниковъ нашихъ, чтобъ любомудрствовали, какъ слѣдовало бы намъ. Если мы сами у себя *обрътатели злыхъ* (Рим. 1,30), то какъ имъ не коснуться того, что дѣйствительно въ насъ есть? Вотъ слѣдствiя нашей междоусобной брани! Вотъ польза отъ подвизающихся за слово болѣе, нежели угодно Слову, и отъ подвергающихся одной участи съ лишенными ума, которые зажигаютъ собственный свой домъ, или терзаютъ дѣтей, или гонятъ отъ себя родителей, почитая ихъ чужими!

Но отлучивъ отъ слова чуждое, и многочисленный легионъ, поступившій во глубину, пославъ въ стадо

(д) Аріане учили о Сынѣ Божіемъ, что было, когда Его не было, и что слѣдовательно Онъ сталъ изъ не сущаго сущимъ

свиней, обратимся къ себѣ самимъ (что составляетъ второй предметъ нашего слова), и какъ изваяніе изсѣчемъ богослова во всей красотѣ. Прежде же всего размыслимъ о томъ, что значитъ такое ревнованіе о словѣ и эта болѣзнь языка? что за новый недугъ? что за ненасытимость? для чего, связавъ руки, вооружили мы языкъ? Не хвалимъ ни страннолюбія, ни братолюбія, ни любви супружеской, ни дѣвства; не дивимся ни питанію нищихъ, ни псалмопѣнію, ни всенощному стоянію, ни слезамъ; не изнуряемъ тѣла постами, не преселяемся къ Богу молитвою, не подчиняемъ (какъ правильно разсуждающіе о своемъ составѣ) худшаго лучшему, то есть персти духу; не обращаемъ жизни въ помышленіе о смерти; помня о горнемъ благородствѣ, не удерживаемъ за собою владычества надъ страстями; не укрощаемъ въ себѣ ни ярости дѣлающей надменными и звѣрскими, ни унижающаго превозношенія, ни безразсудной скорби, ни необузданнаго сладострастія, ни блудническаго смѣха, ни наглаго взора, ни ненасытнаго слуха, ни неумѣренной говорливости, ни превратнаго образа мыслей, ни всего, что противъ насъ у насъ же самихъ беретъ лукавый, вводящій, какъ говоритъ Писаніе, *смерть сквозь окно* (Іер. 9,21), то-есть чрезъ чувства. У насъ все напротивъ. Какъ цари даруютъ пощаду послѣ побѣды, такъ мы даемъ свободу страстямъ другихъ, если только поблажаютъ намъ, и дерзостнѣе или нечестивѣе устремляются противъ Бога; и за недоброе воздаемъ худою наградою, за нечестіе — своевољствомъ.

Но *вопрошу ты мало, совопросникъ и вѣщій мужъ, ты же ми отвѣщай*, говоритъ Іову Вѣщав-

шій *сквозь бурю и облаки* (Иов. 38, 1—3). Что слышишь: много у Бога обителей, или одна? — Безъ сомнѣнія согласишься, что много, а не одна. Всѣ ли онѣ должны наполниться? или однѣ наполнятся, а другія нѣтъ, но останутся пустыми, и приготовлены напрасно? — Конечно всѣ; потому что у Бога ничего не бываетъ напрасно. — Но можешь ли сказать, что разумѣешь подъ таковою обителію: тамошнее ли упокоеніе и славу уготованную блаженнымъ, или что другое? — Не другое что, а это. Но согласившись въ семъ, рассмотримъ еще слѣдующее. Есть ли чтонибудь такое, какъ я полагаю, что доставляло бы намъ сіи обители; или нѣтъ ничего такого? — Непремѣнно есть нѣчто. Что же такое? — Есть разные роды жизни и избранія, и ведутъ къ той или другой обители по мѣрѣ вѣры, почему и называются у насъ путями. — И такъ всѣми ли путями, или нѣкоторыми изъ нихъ должно идти? — Если возможно, пусть одинъ идетъ всѣми. А если нѣтъ, то, сколько можетъ, большимъ числомъ путей. Если же и того нельзя; то нѣкоторыми. Но если и сіе невозможно, то примется въ уваженіе, какъ мнѣ по крайней мѣрѣ кажется, когда кто-нибудь и однимъ пойдетъ преимущественно. Правильно разумѣешь сіе. Посему что же, по твоему мнѣнію, означается словомъ, когда слышишь, что путь одинъ и притомъ тѣсенъ? — Путь одинъ относительно къ добродѣтели: потому что и она одна, хотя и дѣлится на многіе виды. Тѣсенъ же онъ по причинѣ трудовъ, и потому что для многихъ непроходимъ, а именно для великаго числа противниковъ, для всѣхъ, которые идутъ путемъ порока. Такъ и я думаю. — Но если сіе

справедливо; то почему же, наилучшій, какъ будто уличивъ наше ученіе въ какой-то скудости, оставили вы всѣ прочіе пути, а стремитесь и поспѣшаете на этотъ одинъ путь, на путь, какъ вамъ представляется, разума и умозрѣнія, а какъ я скажу, — пустословія и мечтательности? Да вразумить васъ Павелъ, который, по исчисленіи дарованій, сильно упрекаетъ за сіе говоря: *еда вси апостоли? еда вси пророцы?* и такъ далѣе (1 Кор. 12,29.).

Положимъ, что ты высокъ, выше самыхъ высокихъ, а если угодно, выше и облаковъ; положимъ, что ты зритель незримаго, слышатель неизреченнаго, восхищенъ какъ Ілія, удостоенъ богоявленія какъ Моисей, небесенъ какъ Павелъ. Для чего же и другихъ, не больше какъ въ одинъ день, дѣлаешь святыми, производишь въ богословы, и какъ-бы вдыхаешь въ нихъ ученость, и составляешь многія сонмища неучившихся книжниковъ? Для чего опутываешь паутинными тканями тѣхъ, которые наиболѣе немощны, какъ будто это дѣло мудрое и великое? Для чего противъ вѣры возбуждаешь шершней? Для чего расплещаешь противъ насъ составителей, какъ въ древности баснословіе — гигантовъ? Для чего, сколько есть между мужами легкомысленныхъ и недостойныхъ имени мужа, собравъ всѣхъ, какъ соръ въ одну яму, и своимъ ласкательствомъ сдѣлавъ ихъ еще женоподобнѣе, построилъ ты у себя новую рабочую, и не безъ разума извлекаешь для себя пользу изъ ихъ неразумія?

Ты возражаешь и противъ сего? У тебя нѣтъ другаго занятія? языку твоему необходимо должно господствовать? Ты не можешь остановить болѣз-